

§ 5 ВНЕШНИЙ КОНТУР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Карпович О.Г.

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ И МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫМИ КОНФЛИКТАМИ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Аннотация: В статье с позиций сравнительного политологического анализа рассматривается культурно-цивилизационный подход к современным моделям, способам и технологиям психологического управления международными и внутривнутриполитическими конфликтами. Сегодня в мире существует огромное многообразие различных методов, способов и технологий психологического воздействия на конфликты, однако, при детальном анализе все они имеют четкие культурно-цивилизационные отличия и условно могут быть объединены в рамках четырех основных мировоззренческих подходов: англосаксонского, восточноазиатского, ближневосточного (исламского) и западноевропейского (романо-германского).

Review: The article evaluates cultural and civilization approach to the modern models, means and technologies of psychological management of international and internal political conflicts from the standpoint of comparative political science analysis. Currently there is a great variety of various methods, means and technologies in the world allowing to have psychological influence onto the conflicts, however, their in-depth analysis shows that all of them have clear cultural and civilization-related differences and they can be divided into four key worldview approaches: Anglo-Saxon, Eastern – Asian, Middle Eastern (Islamic) and Western European (Roman-German).

Ключевые слова: Политология, национальная безопасность, управление международными конфликтами, международные отношения, внешняя политика, политические конфликты, психологические технологии, психологические операции, информационная война, дипломатия

Keywords: political science, national security, managing international conflicts, international relations, foreign policy, psychological technologies, psychological operations, information warfare, diplomacy.

Сегодня в международных отношениях на передний план выходят региональные конфликты, характеризующиеся высокой интенсивностью, широким применением средств прямой вооруженной агрессии и способностью вовлекать в свою сферу соседние регионы, разрушая исторически сложившиеся там системы коллективной безопасности. Деятельность США по «силовому умиротворению» и «принуждению к демократии» в различных регионах мира не только не устраняет первопричины протекающих там политических конфликтов, но во многих случаях приводит к их эскалации и переходу на новый, более масштабный, уровень. Так, политический конфликт в Ираке, ставший новым

импульсом для обострения этнических и религиозных столкновений между суннитами и шиитами, арабами и курдами, способен вовлечь в затяжной вооруженный конфликт фактически весь Ближний Восток; конфликты на Балканах, в Косово, не только привели к возникновению в самом центре Европы крупнейшего моноэтнического анклава с населением, принадлежащим к иной культурной традиции, но и стали для международных экстремистов плацдармом для развертывания дальнейшей внешней экспансии (вторжение «УЧК» в Македонию).

Нередко региональные конфликты специально инициируются в районах, имеющих стратегическое экономическое или военное значение, для того, чтобы

под видом миротворчества обеспечить там военное и политическое присутствие. Прямой результат такой деятельности – опасный прецедент с признанием независимости Косово, части суверенного государства; курс на формирование в этом анклавном новом военно-политическом субъекте международных отношений («НАТО-государства») создает плацдарм и поводы для новых «гуманитарных интервенций».

Однако такая практика преимущественного применения силы для установления мира в зонах конфликтов встречает острую критику в самих США: Зб. Бжезинский, анализируя политику США в конфликтах в Ираке и Афганистане, называет ошибкой упование Вашингтона на превосходящую военную силу как «единственно надежное средство для решения конфликтов и навязывания прочного урегулирования». Он пишет о «пределах американской военной мощи», о том, что иракская война «превратилась в бедствие», наконец, о необходимости «обновления» американской политики¹.

Политическое урегулирование конфликтов, т.е. нахождение взаимоприемлемого согласия между участниками конфликта политическим путем, при помощи переговоров, политических технологий и процедур, сегодня является важнейшей категорией современной конфликтологии² и политической науки вообще. Как указывает М.М. Лебедева, «технологии мирного урегулирования конфликтов приобретают особое значение в современных условиях, становясь главным фактором сохранения и развития человеческой цивилизации»³. Поиск и разработка таких технологий строится на выявлении общих закономерностей в конфликтах, позволяющих разрешать их мирными средствами. Сравнительный анализ таких закономерностей позволяет дать прогноз возникновения и развития конфликта, определить эффективные методы его урегулирования, предотвращающие насильственные формы дальнейшего развития. Поиск общих закономерностей и технологий управления современными конфликтами – это качественно новый уровень владения инструментами политического регулирования современных международных отношений. В условиях информационного общества

вершиной развития такого инструментария становятся информационно-психологические технологии управления конфликтами⁴.

Важную роль современных технологий информационно-психологического воздействия в стабилизации и управлении конфликтами еще более подчеркивает тот факт, что разрешение этнополитических «конфликтов ценностей» не может быть найдено исключительно в материальной плоскости: во многих районах совместного проживания межэтнические противоречия формировались, накапливались и сохранялись в сознании населения веками, и настолько глубоко проникли в историческую память, что их политическая активация у людей нередко проявляется в форме неосознанных, ментально-архетипных, интуитивно-подсознательных действий, не подверженных воздействию разума и логики – категорий, которыми оперирует сознание. В этих условиях обычные методы социально-политического воздействия на конфликтную ситуацию малоэффективны: этническое подсознание их не воспринимает. Решение этой проблемы требует поиска новых инструментов, способных оказывать стабилизирующее воздействие на сознание и подсознание населения в зонах конфликтов, новых, информационно-психологических, технологий управления политическими процессами, конфликтами и кризисами⁵.

Между тем, международная деятельность по урегулированию внешнеполитических конфликтов сегодня переживает системный кризис. Согласно статье 52 Устава ООН, в разрешении конфликтов абсолютный приоритет должен отдаваться мирным способам, а применение вооруженной силы в интересах «принуждения к миру» должно осуществляться только с согласия Совета Безопасности ООН. Однако, сегодня этот базовый принцип часто нарушается, как это имело место в Югославии и Ираке. Попытки США принизить роль и, фактически, отстранить ООН от руководства миротворческой деятельностью, существенно снижают возможности ООН по урегулированию современных конфликтов⁶. Вместе с тем, ООН также

¹ Бжезинский Зб. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. – М. 2007. С. 154-158.

² Фельдман Д.М. Политология конфликта. – М.: Стратегия, 1998.

³ Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технологии. – М.: Аспект Пресс., 1999.

⁴ Манойло А.В. Мирное разрешение конфликтов: национальные концепции, модели, технологии / А.В. Манойло // Власть. – 2008. – №8. – С. 79-84.

⁵ Манойло А.В. Психологические операции: модели и технологии управления конфликтами. / А.В. Манойло // Политэксп (Политическая экспертиза). – 2008. – №3. – С. 62-73.

⁶ «... при силовом и экономическом доминировании США... при решении принципиальных вопросов международной безопасности ставка делается на западные институты ..., на

Внешний контур национальной безопасности

нередко проявляет медлительность в принятии принципиальных решений, на что справедливо указывают многие постоянные члены Совета Безопасности ООН, в том числе – Соединенные Штаты. Переживаемый международным сообществом и его институтами системный кризис в обеспечении коллективной безопасности, выражающийся в неудачных попытках урегулирования и разрешения многих продолжающих существовать сегодня конфликтов (которые, в лучшем случае, в результате такого вмешательства переходят в «замороженную» фазу), требует не только поиска новых подходов и способов воздействия на конфликтные ситуации, но и формирования новых парадигм управления политическими конфликтами. Не случайно в этой связи многие исследователи указывают на необходимость обновления методологии общественно-научных исследований, создания «новой методологической парадигмы», в которой достойное место должна занять социальная психология⁷ и «управление процессами восприятия человеком жизненной реальности, управление рефлексией»⁸. В этих условиях многократно повышается значимость информационно-психологических технологий в управлении современными конфликтами как реальной альтернативы силовым методам «принуждения к миру» и «гуманитарных интервенций».

Кроме того, сегодня, в результате стремительного развития новых политических технологий, основанных на парадигме информационного превосходства, в современных политических конфликтах возникла и оформилась новая стадия, – информационно-психологическая война (ИПВ), занимающая промежуточную ступень между стадией переговоров и вооруженным столкновением и являющаяся в конфликте «поворотной точкой» – от мирной фазы к военной. Возникновение такой фазы создает новые возможности для управления конфликтами, в том числе в целях их разрешения. Так как сегодня в системе международного права нет механизмов, ограничивающих применение технологий ИПВ, поиск новых эффективных способов, методов и технологий стабилизирующего воздействия на конфликт, находящийся в фазе

ИПВ, выдвигается на передний план современной миротворческой деятельности⁹.

Россия сегодня принимает активное участие в урегулировании большинства международных конфликтов практически по всему миру. При этом Россия строго придерживается базовых принципов ООН, определяющих приоритетность урегулирования конфликтов мирными средствами. Россия, имея обширный и разнообразный опыт миротворческой деятельности на пространстве СНГ (в Абхазии, Южной Осетии¹⁰, Приднестровье и т.д.), в котором разделяющие враждующие стороны российские миротворцы напрямую выполняли функции «силового умиротворения» и «принуждения к миру», сегодня не может не учитывать тот факт, что в условиях информационной открытости и доступности целевых аудиторий для управляющего психологического воздействия мощнейшим инструментом «принуждения к миру» становятся технологии формирования общественного мнения, способного подтолкнуть конфликтующие стороны к сближению на основе мирного переговорного процесса. В этих условиях России жизненно необходима выверенная информационная политика¹¹, которая в части, касающейся миротворческой деятельности должна опираться на собственную, национальную модель мирного урегулирования и разрешения современных конфликтов. Учитывая высокий исторически сложившийся международный авторитет России в зонах, где сейчас происходят наиболее острые конфликты: на Балканах, в арабском мире, в Азиатско-тихоокеанском регионе, в Африке и Латинской Америке, технологии психологического воздействия на массовое сознание населения в зонах конфликтов и вне их – реальный эффективный инструментальный мирного воздействия на конфликтные ситуации с целью их стабилизации и разрешения, без риска быть втянутым в чужой вооруженный конфликт.

Между тем, как указывает видный ученый-международник А.В. Манойло, сегодня эта политическая ниша практически полностью занята моделями и технологиями информационно-психологического управления конфликтами, предлагаемыми предста-

ослабление роли Совета Безопасности ООН» – См.: Концепция внешней политики Российской Федерации от 17.12.1997 г., в ред. Указа Президента РФ от 10.01.2000 г. №24.

⁷ Цыганков, П.А.; Фельдман, Д.М. Социология и международные отношения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18, Социол. и политология. – 1999. – № 3. – С. 40-51.

⁸ Независимая газета, 7.12.2007.

⁹ Манойло А.В. Психологические операции США в Ираке. / А.В. Манойло // Космополис. – 2008. – №1. – С. 124-128.

¹⁰ Манойло А.В. Война в Южной Осетии: психологическая обработка общественного мнения стран ЕС. / А.В. Манойло // Политэксп (Политическая экспертиза). – 2009. – №3. – С. 65-76.

¹¹ Мелюхин И.С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. – М. 1999, С.7.

вителями четырех основных мировых цивилизаций: англо-саксонской (США, Великобритания), романо-германской (Западная Европа, и прежде всего – Германия и Франция), ближневосточной (исламский мир) и восточноазиатской (Китай, Япония, Вьетнам, и т.д.). Все эти модели эффективно работают в зонах конфликтов, не вступая во взаимные противоречия, а во-многом и дополняя друг друга. Их индивидуальные особенности отражают культурно-цивилизационные и национально-государственные различия в мировоззрении существующих мировых цивилизаций на разрешение конфликтных ситуаций и очевидным образом появляются во внешней политике ведущих мировых акторов: методы, применяемые США и Великобританией, относящихся к англо-саксонской цивилизации, существенно отличаются от методов и технологий воздействия на конфликтную ситуацию стран Восточной Азии, Ближнего Востока и даже Европейского Союза¹².

В основе англосаксонской модели лежит укorenившаяся в сознании и проникшая в подсознание достаточно исторически молодая идеология и мировоззрение протестантизма: все три основные американские идеологические концепции – «экспорт демократии», «силовое умиротворение» и «бархатные революции» – по сути, являются переработкой и развитием основных норм протестантского мировоззрения. В основе восточноазиатской традиционной модели лежит в основном конфуцианское мировоззрение и идеология, а также философское учение Лао-Цзы. В основе романо-германской модели лежит, в основном, значительный опыт конфликтного сосуществования различных народов в рамках тесной Европы и историческая культурно-религиозная традиция католицизма, дополняемая элементами более позднего европейского протестантизма. В основе ближневосточной модели, сформированной в культурно-цивилизационной традиции различных направлений и течений ислама, лежит исторический опыт расширения ареала распространения и влияния исламского мира.

Культурно-цивилизационные отличия наиболее ярко проявляются в современных доктринах и концепциях психологического воздействия на конфликты именно у представителей англо-саксонской цивилизации: США и Великобритании. Сегодня

¹² Манойло А.В. Несиловое регулирование международных конфликтов. Культурно-цивилизационные парадигмы. / А.В. Манойло // Космополис. -2008. – №2. – С.168-174.

психологические операции строятся ими в рамках двух основных идеологических концепций:

– концепции «жесткой силы» (представленной школой неореализма К. Уолтц, Р. Гилпин, Б. Бузан¹³, основанной на принципе приоритетности «силового умиротворения», в рамках которой считается морально оправданным превентивное применение вооруженной силы в отношении участников конфликта, если есть явные признаки того, что конфликт может стать угрозой политической стабильности в регионе и перерасти в гуманитарную катастрофу;

– концепции «мягкой силы» (представленной школой нелиберализма¹⁴), опирающейся на идеологическую установку на «экспорт демократии» и сочетающую в себе миссионерскую традицию американского протестантизма с технологиями «бархатных революций», основанных на методах внешне ненасильственного изменения конституционного строя в странах-потребителях американской модели развития общества.

Как справедливо отмечает А.В. Манойло, «обе концепции в англосаксонской модели не дублируют, а взаимодополняют друг друга, отличаясь исключительно по скорости достижения искомого политического результата»:

– концепция «жесткой силы» очень эффективна для оказания силового принуждения на противника с целью получения политических преимуществ в настоящей точке политического процесса, причем принцип «силового умиротворения» позволяет использовать методы насильственного принуждения и в мирное время, прикрываясь глобальной миротворческой деятельностью;

– концепция «мягкой силы», как правило, рассчитана на отложенный результат: подготовка и проведение таких психологических операций как «бархатные революции» требует времени. Однако, эффект от технологий «мягкой силы» сохраняется в течение более длительного времени: проамериканские режимы в странах, где победили «бархатные революции», до сих пор у власти и проводят внешнеполитический курс, полностью ориентированный на национальные интересы США¹⁵.

¹³ М.М. Лебедева, Мировая политика. М.2003.с.12-45.

¹⁴ R. Keohane, D. Wye, Power and Interdependence. World politics in Transition. NY 2000.

¹⁵ Манойло А.В. Технологии несилового разрешения международных и внутривосточных конфликтов. Часть 2. Англосаксонская культурно-цивилизационная модель психологического воздействия на конфликты. / А.В. Манойло // Обозреватель-Observer. -2008. – №4. – С.87-94.

Внешний контур национальной безопасности

Концепция «силового умиротворения» предполагает, что превентивное применение вооруженной силы развитыми демократическими странами является оправданным; государства западного мира, построившие у себя «самые совершенные» на сегодняшний день модели демократического общества, способны быстрее и качественнее оценить угрозы демократии, возникающие в результате зарождения и эскалации новых конфликтов, чем традиционные коллегиальные органы и институты (такие как ООН), в которые входит достаточно большое число стран «с неразвитой демократией», чье мировоззрение мешает им своевременно оценить опасность. При этом, главным признаком международной опасности конфликта является «международное общественное мнение» (которое нередко бывает специально сформировано и ориентировано на определенные реакции), оценка конфликтной ситуации которого считается более значимой и оперативной, чем реакция традиционных международных институтов и часто опережает официальную позицию ООН, тем самым, понижая ее роль и ставя под сомнение способность этой организации оперативно реагировать на угрозы международной безопасности. Одной из технологий формирования общественного мнения в рамках концепции «силового умиротворения» является технология формирования образа международного терроризма.

В отличие от «силового умиротворения», концепция «мягкой силы» – это технологии обеспечения добровольного подчинения других субъектов международного права, основанные на признании абсолютного превосходства в сфере идеологии, политики, экономики, морали. Причем, подчинение должно быть именно добровольное, что определяет приоритетность использования ненасильственных методов. К ним, в первую очередь, относятся технологии информационно-психологического воздействия на сознание, используемые в современных операциях психологической войны. Один из лучших примеров применения таких технологий на практике – «бархатные революции».

Восточноазиатские методы информационно-психологического воздействия на течение конфликта базируются на традиционных ценностных установках, прежде всего конфуцианства, остающихся, несмотря на все идеологические веяния, основой мировоззрения китайского и других обществ Восточной Азии. Традиционные ценности конфуцианской этики определяют отношения не

только в рамках семьи, но и в отношениях между различными социумами¹⁶. Не только в Китае, но и в Японии, Южной Корее, Сингапуре и других странах Восточной Азии конфуцианская этика оказывается доминирующей в общественном мнении, и без ее учета трудно иными методами воздействовать на сознание.

Российские ученые указывают на необычайную стойкость отдельных черт внешнеполитических доктрин Китая на протяжении более чем трехтысячелетней истории страны, продолжающейся и в наше время. «Прежде всего здесь имеется в виду традиционность общих принципов, – пишет А.А. Бокшанин, – которые легли в основу внешнеполитических связей и некоторых характерных черт китайской дипломатической практики»¹⁷. Пекин, как правило, не форсирует события, ожидая лучших времен в своих спорах с оппонентами, стремится первоначально «застолбить позицию», заявить, например, о притязания на ряд островов Южно-Китайского моря, либо оставить вопрос открытым на «неопределенное время» по спорным территориям, как это имело место в начале 70-х гг. XX в. при нормализации отношений с Японией по поводу принадлежности островов Сэнкаку.

Общая международная обстановка и соотношение сил через несколько десятилетий наверняка изменятся и спор может решиться в пользу Китая и без конфликта. «Отложенные решения» – весьма удобная форма психологического воздействия. Проблема остается нерешенной, ей можно всегда воспользоваться как инструментом информационного давления, в том числе и на переговорах¹⁸. В современном Китае происходит отказ от прошлых стереотипов, освобождение от «комплекса неполноценности», сторонники возрождения былого величия страны призывают «взять инициативу в свои руки, на равных вести дела с другими великими державами, настаивать на своей позиции в урегулировании международных кризисов»¹⁹.

¹⁶ Титаренко М.А., Россия и Восточная Азия. Вопросы международных и межкультурных отношений. М. 1994. с.24.

¹⁷ Китай: Традиции и современность. Сборник статей. М. 1976. с.129.

¹⁸ Манойло А.В. Модели информационного воздействия на разрешение международных и внутривосточных конфликтов. / А.В. Манойло // Федерализм. -2008. – №3. – С. 159-172.

¹⁹ Бажанов Е.П. Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. М.2007.с.340.

В отличие от восточноазиатской, европейская специфика такова, что на континенте со времен Вестфальского мира 1640 г. в основу институализации социумов был положен принцип этнической идентификации, наций-государств как основных участников международных отношений. Но этническая дифференциация после распада Империи Карла Великого привела к многочисленным межнациональным конфликтам, в том числе к мировым войнам. После Второй мировой войны процесс этнической и национальной дифференциации не прекращался, порождая как новые открытые конфликты, например, на Балканах, так и скрытые, латентные – в Бельгии, Испании, Греции и других странах.

Ведущие государства Евросоюза, прежде всего – Германия и Франция, а также Бельгия, Испания, Италия, которые условно можно объединить в Романо-германскую цивилизацию, в применении технологий информационно-психологического воздействия на конфликты придерживаются тактики психологического управления, но – с учетом национально-государственной специфики. Западноевропейская модель психологического воздействия на конфликты не ставит задачу путем прямого вмешательства изменить политические системы его участников, а стремится управлять сознанием политических элит, стоящих у власти в государствах-участниках конфликта, а также – сознанием различных слоев местного населения и международной общественности, побуждая их воспринимать конфликт в соответствии с предлагаемым им образом конфликта, то есть смотреть на конфликт глазами европейского сообщества.

В отличие от ЕС, исламский мир, несмотря на его обозначение как единой культурно-цивилизационной общности, на самом деле представляет собой сложную мозаичную картину. Дезинтеграция ислама на множество религиозно-правовых школ и течений свидетельствует о том, что отличия, специфика каждого направления иногда превалирует над общими принципами и догматами религии. Различия в догматике ислама затрагивают не только основы вероучения, но и сферы социальной, культурной, политической жизни и экономические отношения.

В географическом и геополитическом отношении «мусульманский мир» распадается на центр и периферию, на территории и страны с арабским и неарабским населением, на регионы, где зарождался и развивался ислам и на пространства «вторичной исламизации». Ислам, проникший, например, в

Поволжье из Турции, отличается от среднеазиатского ислама. В ряде стран СНГ ислам слился с местными традициями, например, в Казахстане суннизм ханафитского мазхаба терпим к инакомыслию, не отвергает местного обычая, слился с местными традициями тенгрианства.

В то же время ханафитский суннизм ваххабитского толка (Саудовская Аравия, ОАЭ) призывает к жестокой борьбе за «чистоту ислама», его адепты отличаются фанатизмом и экстремизмом в отстаивании догматов веры, в противоборстве со своими политическими противниками. Практика политической жизни дает множество свидетельств религиозных войн внутри ислама, продолжающихся и в наши дни в виде политического противоборства суннитов и шиитов в Ираке.

В этой связи методы, приемы информационно-психологического воздействия на массы верующих сохраняют общие черты преимущественно в междоцивилизационном противостоянии, идеологическом противоборстве с иной религией, культурой; в то же время внутри исламской уммы происходит не менее ожесточенная борьба утверждение господствующего воздействия на сознание той или иной школы, направления. Поэтому, как отмечает А.В. Манойло²⁰, необходимо рассматривать методы информационно-психологического воздействия ислама на трех уровнях: цивилизационном, региональном и национальном, что, в определенной степени, соответствует уровням существующих международных конфликтов. На цивилизационном, а, по существу, глобальном, уровне ислам выступает как альтернатива западному либерально-демократическому миру: в исламской доктрине существует свое понимание и трактовка миропорядка, которую он стремится спроецировать на зоны международных конфликтов.

Таким образом, сегодня модели психологического разрешения современных конфликтов представлены минимум четырьмя различными культурно-цивилизационными формами, и каждый из них имеет свои, присущие только ей, отличительные особенности. Англо-саксонская модель видит процесс разрешения конфликтов в полной, принудительной трансформации политических систем конфликтующих сторон под свои политические нормы и

²⁰ Манойло А.В. Технологии несилевого разрешения современных конфликтов. / А.В. Манойло; под ред. проф. А.И. Петренко. – М.: Горячая линия – Телеком, 2008. – 392 с.: ил.

Внешний контур национальной безопасности

стандарты. Восточноазиатская модель видит процесс разрешения конфликтов в интеграции (а, фактически, во встраивании) политических систем и ценностей конфликтующих сторон в собственную систему политических отношений (например, по принципу «одна страна – две системы»), постепенно растворяя в своей системе национальную идентичность политических систем более слабых участников международных отношений. Ближневосточная модель видит процесс разрешения конфликтов в переносе, проекции исторически сложившихся в исламе традиционных механизмов регулирования социально-политических отношений на зоны конфликтов, в том числе – за счет расширения ареала распространения и влияния исламского мира. Романо-германская, или западноевропейская, модель видит процесс разрешения конфликтов в изменении взглядов участников конфликта на сам конфликт²¹.

Вместе с тем, механическое перенесение технологий информационно-психологического воздействия с одной культурно-цивилизационной среды на другую, без учета ее особенностей, может привести к углублению, эскалации конфликта²². К подобным негативным последствиям привела в 2006 г. информационно-психологическая акция в Дании, Франции и других европейских странах с карикатурными изображениями пророка Мухаммеда. Данная информационная акция вызвала не просто скандал, а культурно-цивилизационную конфронтацию между исламской и европейской цивилизациями, что потребовало значительных усилий политических и религиозных деятелей по ее улаживанию.

Изучение мировой практики использования информационно-психологических технологий позволяет сделать вывод, что они становятся важным фактором воздействия на ход развития и разрешения международных конфликтов. Россия находится не в стороне от этого процесса, у нее есть богатый опыт урегулирования международных и внутренних конфликтов, который требует обобщения. В политическом руководстве страны сегодня все более убедительно звучит мнение о том, что слепое следование зарубежным шаблонам для России неприемлемо, что только собственная модель урегулирования

конфликтов позволит занять России достойное место в мире. Таким образом, Россия сегодня стоит перед проблемой выработки модели мирного разрешения конфликтов, основанной на национальных технологиях информационно-психологического воздействия.

Библиография:

1. Концепция внешней политики Российской Федерации от 17.12.1997 г., в ред. Указа Президента РФ от 10.01.2000 г. №24.
2. Фельдман Д.М. Политология конфликта. – М.: Стратегия, 1998.
3. Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технологии. – М.: Аспект Пресс., 1999.
4. Бжезинский Зб. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. – М. 2007.
5. Манойло А.В. Мирное разрешение конфликтов: национальные концепции, модели, технологии // Власть. -2008. – №8. – С.79-84.
6. Манойло А.В. Психологические операции: модели и технологии управления конфликтами. // Политэкс (Политическая экспертиза). – 2008. – №3. – С. 62-73.
7. Цыганков, П.А., Фельдман, Д.М. Социология и международные отношения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18, Социол. и политология. – 1999. – N 3. – С. 40-51.
8. Независимая газета, 7.12.2007.
9. Манойло А.В. Психологические операции США в Ираке. // Космополис. -2008. – №1. – С.124-128.
10. Манойло А.В. Война в Южной Осетии: психологическая обработка общественного мнения стран ЕС. // Политэкс (Политическая экспертиза). – 2009. – №3. – С.65-76.
11. Мелюхин И.С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. – М. 1999.
12. Манойло А.В. Несиловое регулирование международных конфликтов. Культурно-цивилизационные парадигмы. // Космополис. -2008. – №2. – С.168-174.
13. Лебедева М.М., Мировая политика. М.2003.
14. Keohane R., Wye D., Power and Interdependence. World politics in Transition. NY 2000.
15. Манойло А.В. Технологии несилового разрешения международных и внутривластных конфликтов. Часть 2. Англосаксонская культурно-цивилизационная модель психологического

²¹ Манойло А.В. Технологии несилового разрешения современных конфликтов. / А.В. Манойло; под ред. проф. А.И. Петренко. – М.: Горячая линия – Телеком, 2008. – 392 с.: ил.

²² А.Дж. Тойнби, Цивилизация перед судом истории, Сборник, М.1995.

- воздействия на конфликты. // Обозреватель-Observer. – 2008. – №4. – С.87-94.
16. Титаренко М.А., Россия и Восточная Азия. Вопросы международных и междивизиационных отношений. М. 1994.
 17. Китай: Традиции и современность. Сборник статей. М.1976.
 18. Манойло А.В. Модели информационного воздействия на разрешение международных и внутривизиационных конфликтов. // Федерализм. – 2008. – №3. – С. 159-172.
 19. Бажанов Е.П. Китай: от Средней империи до сверхдержавы XXI века. М.2007.
 20. Манойло А.В. Технологии несилового разрешения современных конфликтов. / А.В. Манойло; под ред. проф. А.И. Петренко. – М.: Горячая линия – Телеком, 2008. – 392 с.: ил.
 21. Тойнби А.Дж., Цивилизация перед судом истории, Сборник, М.1995.
 6. Cygankov, P.A., Fel'dman, D.M. Sociologiya i mezhdunarodnye otnosheniya // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18, Sociol. i politologiya. – 1999. – N 3. – S. 40-51.
 7. Manoylo A.V. Psihologicheskie operacii SShA v Irake. // Kosmopolis. -2008. – №1. – S.124-128.
 8. Manoylo A.V. Voyna v Yuzhnoy Osetii: psihologicheskaya obrabotka obschestvennogo mneniya stran ES. // Politeks (Politicheskaya ekspertiza). – 2009. – №3. – S.65-76.
 9. Melyuhin I.S. Informacionnoe obschestvo: istoki, problemy, tendencii razvitiya. – М. 1999.
 10. Manoylo A.V. Nesilovoe regulirovanie mezhdunarodnykh konfliktov. Kul'turno-civilizacionnye paradigmy. // Kosmopolis. -2008. – №2. – S.168-174.
 11. Lebedeva M.M., Mirovaya politika. М.2003.
 12. Keohane R., Wye D., Power and Interdependence. World politics in Transition. NY 2000.
 13. Manoylo A.V. Tehnologii nesilovogo razresheniya mezhdunarodnykh i vnutripoliticheskikh konfliktov. Chast' 2. Anglosaksonskaya kul'turno-civilizacionnaya model' psihologicheskogo vozdeystviya na konflikty. // Obozrevatel'-Observer. -2008. – №4. – S.87-94.

References (transliteration):

1. Fel'dman D.M. Politologiya konflikta. – М.: Strategiya, 1998.
2. Lebedeva M.M. Politicheskoe uregulirovanie konfliktov: podhody, resheniya, tehnologii. – М.: Aspekt Press., 1999.
3. Bzhezinskiy Zb. Esche odin shans.Tri prezidenta i krizis amerikanskoy sverhderzhavy. – М.2007.
4. Manoylo A.V. Mirnoe razreshenie konfliktov: nacional'nye koncepcii, modeli, tehnologii // Vlast'. -2008. – №8. – S.79-84.
5. Manoylo A.V. Psihologicheskie operacii: modeli i tehnologii upravleniya konfliktami. // Politeks (Politicheskaya ekspertiza). – 2008. – №3. – S. 62-73.
14. Titarenko M.A., Rossiya i Vostochnaya Aziya. Voprosy mezhdunarodnykh i mezhsivilizacionnykh otnosheniy. М. 1994.
15. Manoylo A.V. Modeli informacionnogo vozdeystviya na razreshenie mezhdunarodnykh i vnutripoliticheskikh konfliktov. // Federalizm. -2008. – №3. – S. 159-172.
16. Bazhanov E.P. Kitay: ot Sredinnoy imperii do sverhderzhavy XXI veka. М.2007.
17. Manoylo A.V. Tehnologii nesilovogo razresheniya sovremennykh konfliktov. / A.V. Manoylo; pod red. prof. A.I. Petренко. – М.: Goryachaya liniya – Telekom, 2008. – 392 s.: il.
18. Toynbi A.Dzh., Civilizaciya pered sudom istorii, Sbornik, М.1995.